

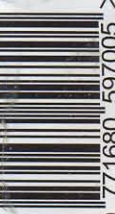
ОМ

ноябрь 2001

завтра принадлежит нам

- 01_SHURA И МАЙКЛ ДЖЕКСОН: ВОЗВРАЩЕНИЯ ГОДА
- 02_PULP: БОТАНИКИ И СЕКС-СИМВОЛЫ
- 03_КОНЕЦ ИНТЕРНЕТА
- 04_СОВЕРШЕННЫЕ ЧИТАТЕЛИ
- 05_КТО СТАНЕТ НОВЫМ «МУМИЙ ТРОЛЛЕМ»?
- 06_ТАЙНА ЧИСЛА 23
- 07_
- 08_МОЛОДЫЕ КОРОЛИ ЕВРОПЫ
- 09_ИДЕАЛЬНЫЙ РАБОЧИЙ СТОЛ
- 10_КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ МОДА

ISSN 1680-5976



9 771680 597005 >

юбилейный номер нам **6** лет

Ф О Т О Г Р А Ф И И

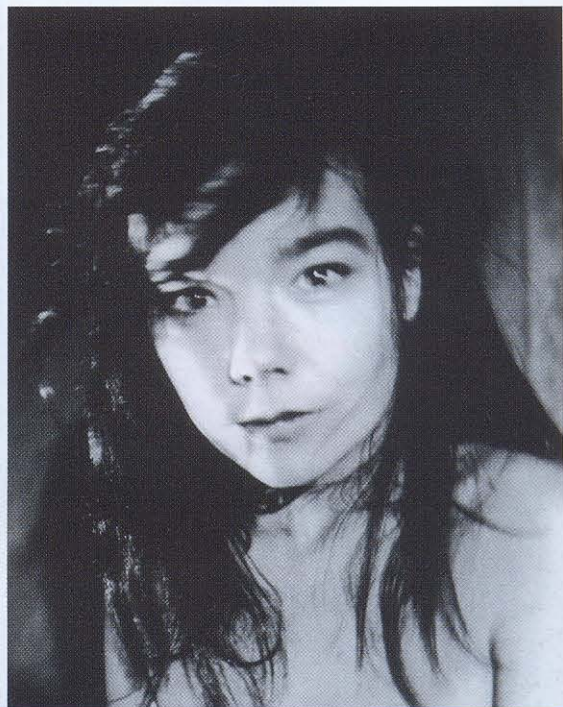
ИМЯ: БЬОРК
МЕСТО РОЖДЕНИЯ:
РЕЙКЬЯВИК.
ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ:
МУЗЫКА.
РОД ЗАНЯТИЙ: СОЗДАНИЕ ВООБРАЖАЕМОГО МИРА С ПОМОЩЬЮ МУЗЫКИ. МНОГИЕ ФОТОГРАФЫ, РАБОТАВШИЕ С БЬОРК, ПЫТАЛИСЬ ПОЙМАТЬ ОТБЛЕСКИ ЭТОГО ВОЛШЕБНОГО МИРА. ИХ РАБОТЫ СОБРАНЫ В КНИГУ, КОТОРАЯ ВЫШЛА ОДНОВРЕМЕННО С АЛЬБОМОМ VESPERTINE. ПЕРЕД ВАМИ - ВООБРАЖАЕМЫЙ МИР БЬОРК И ТЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЕГО СОДАВАЛИ.

➤ Эта территория зовется акваторией

Фото — Кэйт Гарнер. С 81-го по 83-й год Кэйт, выскочка из провинциального городка Уиган, затерявшегося где-то между Манчестером и Ливерпулем, была участницей лондонской нововолновой команды Nausi Fantasyee, выпустившей всего один — зато какой! — диск. 12 лет назад Кэйт прославилась фотосессией Шинейд О'Коннор и с тех пор снимает без передышки. Бьорк и Кэйт роднят музыкальные вкусы.



А Н Г Е Л А



Манга-girl

Фото — Нобуёси Араки. Японец Араки - 60-летний живой классик современной провокационной фотографии. И Бьорк, девушку из ледяной страны, токийский кудесник легко превратил в ожившего персонажа манга-комикса. Странник "эмоционального терроризма", Араки и здесь верен себе.

Жаворонки на нитях

Фото — Инес ван Ламсверде и Винуд Матаден. Господин и дама родом из Амстердама добились впечатляющих успехов в мире фото. Обложки лучших гляцевых журналов устилали их путь в высший свет. Сегодня они преуспевают в Нью-Йорке, и вся ответственность за внешний вид альбома Vespertine целиком и полностью на их плечах.

Выйду на улицу, гляну на село...

Фото — Ирмели Крекин. Ирмели — модный мастер фото из Стокгольма, одержимая тягой к дальним странствиям. Первые 15 минут славы Крекин принесла серия работ, сделанных в Южной Африке. Вторые и все последующие минуты, часы и годы успеха — съемка звезд. Фотография Бьорк подтверждает: Рейкьявик действительно большая деревня.





◀ **Соло на губной гармошке.**

Фото — Глен Лачфорд. Прославленный лондонец, золотой глаз Агепы и The Face, экспериментатор в области документального кино и само олицетворение респектабельности в фотоделе, счел работу с Бьорк за честь. И оказал ей не меньшую услугу, увидев музыкальность ее натуры в неожиданном и чуть ироничном ракурсе.

✔ **Братва, не стреляйте друг в друга**

Фото — Антон Корбийн. Голландский уроженец Корбийн не нуждается в особом представлении. Маститый клипмейкер и самый известный фотохроникер всех рок-звезд XX столетия — сам человек со звезды. Но в таком инопланетном создании, как Бьорк, он углядел вполне земные черты.



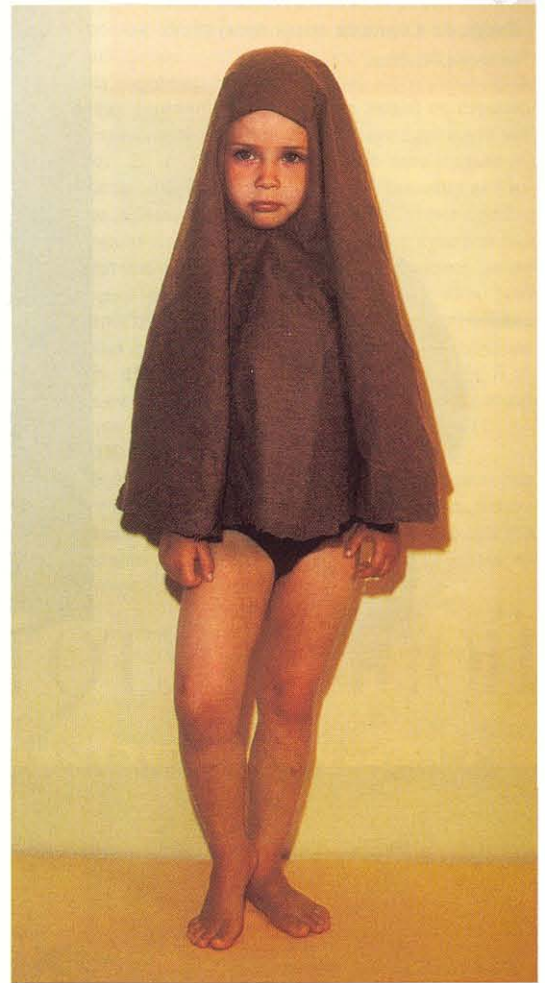
◀ **Рике с хохолком**

Фото — Крэйг Макдин. Ярчайший фэшн-фотограф, славный своими работами для Calvin Klein, Givenchy, Hugo Boss и фотоальбомом "Я обожаю быстрые тачки", в котором Крэйг воплотил свою давнишнюю привязанность. Макдин фанател от гоночных машин с семи лет, когда его героем на всю жизнь стал Стив Маккуинн в фильме "Буллит". Любовь к Бьорк пришла позднее, но оказалась не менее крепкой.



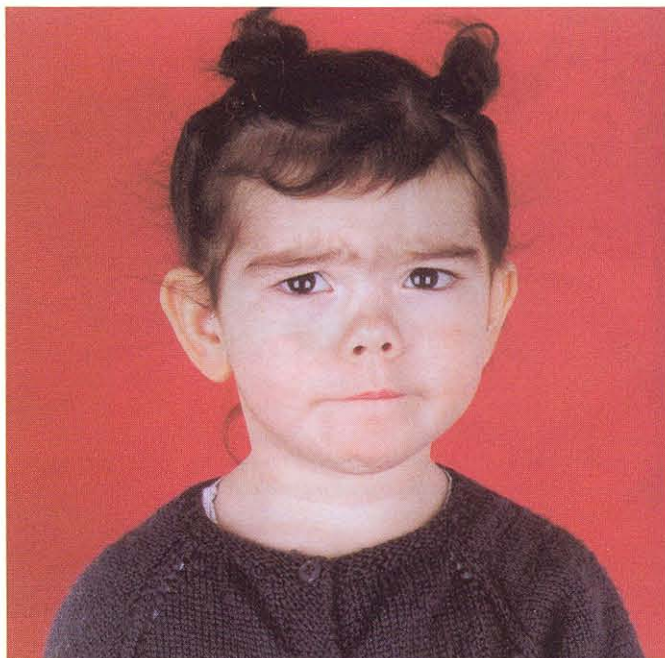
◀ Умелые руки

Фото — Стефан Седнауи. Наилучший фотограф и мастеровитый режиссер музыкального видео. Великолепных людей, для которых Стефан снимал клипы, видимо-невидимо, среди них — Мадонна, Трики, U2, The Smashing Pumpkins, Тоба Тей и французские рэп-матершинники NTM. И Бьорк, которая на фото Седнауи выглядит как никогда эротично.



▶ Уж не Бьорк ли эта девочка?

Похожа, очень похожа, как говаривал Фрэнк Дребин. Но не Бьорк. Этой фотографией в любви к певице объяснился известный любитель крови, почвы, маленьких детей и различных перверсий **Жан-Батист Мондино**. Нетрадиционное для Мондино фото — чистое и целомудренное. И даже без порочной ленточки в косе.



◀ И это не Бьорк. Так свою симпатию к госпоже Гудмундсдоттир выразил киприот **Хуссейн Шалаян**, модный лондонский фэшн-дизайнер. Аура Бьорк подвигла его на отказ от сложносочиненных конструкций и обратила к небывалой простоте. Почти в духе нового иранского кино.



➤ **Всевидящее око**

Фото — Ранкин. Бьорк оказалась идеальным объектом для известного своей гиперэкспрессивной манерой британца Ранкина. Здесь она не просто лебедушка в платье от Пежоски, а прилетевшая из сказочного королевства белая птица с черной отметиной. А фото подозрительно напоминает обложку второй пластинки двойного альбома Аллы Пугачевой «Зеркало души».

☑ Еще одно посвящение Бьорк, прекрасное мгновение, остановленное камерой **Стефана Седнауи** среди бескрайних исландских снегов.



◀ **Послеполуденный отдых фавна**

Фото — Юрген Теллер. Немец Теллер работает большей частью в Лондоне и Нью-Йорке, подкупая самых капризных и своенравных моделей особым даром. Хотя работа с Бьорк прошла как по маслу, оттого на фото Теллера она само спокойствие и умиротворение.





◀ Ах, эти черные глаза...

Фото – братья Снорри. 28-летние исландцы Эйнар и Эйгур – лишь однофамильцы, но близки как братья. Они были уличными танцорами брейка, совладельцами рекламного агентства "Унция" и издателями арт-журнала "Счастье". В конце 90-х "братья" переехали в Нью-Йорк, где активно сотрудничали с No Doubt, Green Day, REM и Busta Rhimes. Нежнее же всего они вспоминают о работе с любимой землячкой.

ло четырнадцать, пошла волна панка, и я прониклась анархическими идеями, что никто не имеет права указывать другому, что все равны и что человек должен быть таким, какой он есть. Рейкьявик, город, в котором я выросла, уж на что столица европейского государства, а все равно большая деревня. И там хватает людей со странностями, и как в любой деревне, все друг друга знают. В местном супермаркете кого только не встретишь: художника, рыбака, таксиста или мэра. Кроме того, корни такого отношения к жизни лежат в моем детстве. Тогда моим кумиром был натуралист Дэвид Аттенборо – именно он открыл мне природу и окружающий нас мир. Даже простой камень у него оказывался полон невидимых доселе миров вроде кишаших на нем муравьев, и все они тоже живут и размножаются. В общем-то, меня всегда привлекали люди, способные привнести новое, может быть, открыть...

ДК: ...другой мир?

Б: Именно. Мне кажется, спроси на улице первого встречного, что он слушает из музыки, и большинство ответят: «Да все подряд». В такси у них играет джаз, а дома – хэви метал. Всем нам хочется разнообразия.

БЕЛАЯ ПТИЦА С ЧЕРНОЙ ОТМЕТИНОЙ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ НЬЮ-ЙОРКСКИЙ МОДЕЛЬЕР **ДОННА КАРАН** БЕСЕДУЕТ С БЬОРК – ЖЕНЩИНОЙ, КОТОРОЙ ОНА ХОТЕЛА БЫ БЫТЬ.

С ижу и вспоминаю, с чего же все началось. Просто пообедали в кафе с мужем и приятелями. Говорили о дне завтрашнем, наших устремлениях в жизни и, конечно, о женщинах – женщинах знаменитых и влиятельных, женщинах и их детях, женщинах и их матерях, женщинах и их мужчинах и, наконец, просто о женщинах. Итогом той беседы стало мое решение взять интервью у какой-нибудь светской львицы. Я составила целый список возможных кандидатур: Барбра Стрейзанд, Хиллари Клинтон, Опра Уинфри. Окончательный выбор пал на Бьорк. Я так волновалась, что не могла найти себе места. Бьорк – певица, актриса, творческая личность и законодательница моды, – как бы я хотела быть на ее месте! Интересно, каково это для самого человека и тех, кто его окружает? Что придает ей силы? И вот день настал. Я чувствую себя как на иголках. Муж говорит, что я словно новичок, с опаской идущий на работу в незнакомый коллектив. "Слушай все внимательно и записывай", – советует он мне. Я вся на нервах. Но вот входит Бьорк. Выглядит шикарно. Одета изящно, с большим вкусом. Едва появившись, она уже задает некий тон.

Донна Каран: Впервые выступаю корреспондентом, можно сказать, это мой дебют.

Бьорк: Я вас прекрасно понимаю. Я сама брала интервью лишь дважды. В первый раз моим собеседником был Карлхайнц Штокгаузен, а во второй – Арво Пярт. Я чувствовала себя маленькой девочкой. Я разве что не молилась на собеседников, ведь музыка – моя религия. Представляете: какая-то неприметная поп-певица и сам Арво Пярт, один из основоположников современной музыки, или Штокгаузен, который просто перевернул представления о творчестве, соединив старинную немецкую классическую школу с современной электронной музыкой!

ДК: Как по-вашему, есть ли разница между повседневной жизнью и творческой?

Б: Конечно, ведь когда стоишь на сцене, переносишься в другой мир, не тот, в котором обычно живешь. Но я всегда старалась стирать барьеры. Моя цель – объединить разные полюса. Я пытаюсь на сцене быть такой, какая я, скажем, со своей бабушкой. Я родилась в рабочей семье и жила в довольно сплоченной среде, где знать не знают, что такое иерархия. И люди творческие ничем не отличаются от водопроводчиков. А когда мне бы-

ДК: А спроси вас кто-нибудь: «Что вас заставляет жить?», как бы вы ответили?

Б: (После долгой паузы.) Мне кажется, немалую роль играет любопытство. У меня есть мечта-утопия объединять противоположности, мол, все наконец возьмется за руки и тому подобная сентиментальная чушь. И, конечно, присутствует некий фактор эгоизма, мне просто необходимо создавать новые песни, чтобы как-то преодолеть ежедневные нагрузки. Для меня это такая же физическая потребность, как сон или еда. И эта потребность не поддается контролю, ее и не нужно контролировать.

ДК: Велико ли различие между творчеством и реальностью шоу-бизнеса?

Б: Это две разные вещи, и нужно трезво подходить и к тому, и к другому. Конечно, музиндустрия имеет определенную цель – коммерческий успех. Но я – исполнитель, который хочет донести до слушателя какие-то чувства. Это как хорошая дружба, когда ты не заставляешь приятеля быть таким, как удобно тебе. Пусть это идет вразрез с твоими принципами, но это не значит, что другая сторона не права. Чтобы быть лояльным, требуется определенная мужественность.

ДК: Как вы относитесь к тому, что ваше творчество порой не хотят признавать?

Б: Такое отрицательное отношение я испытываю еще с детства, ведь у меня уже тогда были свои причуды. Бывает, лет через десять тебе говорят: «Слушай, я понял, почему ты так делаешь». Зато остальные девять лет они просто не в состоянии этого увидеть.

ДК: И что же заставило вас относиться к этому философски, вместо того чтобы занять оборонительную позицию?

Б: Отчасти то, что когда я куда-нибудь иду, я пою, в голове у меня звучит какая-то мелодия, и мне тогда спокойно и уютно, я не чувствую, будто со мной что-то не так. В детстве я была очень замкнутой, порой не разговаривала ни с кем по несколько дней, хотя на душе было легко и радостно. Я была счастлива, и никто мне не говорил, что я ненормальная. Мне кажется, большинство людей по натуре очень замкнутые, просто они научились это скрывать.

ДК: Ну в Нью-Йорке таких пруд пруди...

Б: (Смеется.) Да уж – Сумасбродные Штаты Америки...

ДК: Вы и сами сейчас живете в Нью-Йорке.

Б: Мне здесь нравится. Я приехала сюда впервые в двадцать лет. Это мое самое любимое место, не считая Исландии. Я еще давно решила, что перееду сюда жить лет так в сорок-пятьдесят.

ДК: Так поздно? (Смеется.)

Б: Но, как видите, обосновалась тут раньше. Пожалуй, люди здесь быстрее взрослеют, становятся более рассудительными. Нью-Йорк – великолепный город.

ДК: Но и Лондон вам тоже по вкусу...

Б: Да. Я переехала туда жить в девяносто третьем. Судьба свела меня со многими людьми, оказавшимися в той же ситуации, что и я. Это иммигранты, которые хоть и полюбили Лондон всей душой, все же не хотели забывать свою культуру.

Б: В юности, когда я была в панк-группе, мы разъезжали по разным местам, давали концерты. Случалось, что не спали по двое суток и нам не на что было питаться. Бывало, отыграем очередной концерт – а в зале человек сто, не больше – и тогда купим себе пищу. Ради творчества приходилось чем-то жертвовать. Так вот мне всегда было любопытно, насколько эта граница простирается и как далеко я смогу зайти?

ДК: А какое место в вашем творческом процессе занимает работа в коллективе? Вам приходилось сотрудничать с разными людьми, и вы как-то сказали: «Мне нравится смотреть на мир чужими глазами».

Б: Даже хорошо, что поп-песни делятся в среднем по три минуты... (Донна Каран смеется.) Меньше разных споров. По сути, большинство людей, с которыми мне приходилось сотрудничать, ничем не отличаются от тех, с кем я работала, когда мне было четырнадцать. Хотя потом группа Sugarcubes прекратила свое существование, с некоторыми ребятами мы продолжаем работать вместе и сейчас, например, выпускаем альбомы исландской группы Sigur Rys. Мы знали, что Sugarcubes долго не просуществует, ее пятеро участников были поэтами и писателями, для них музыка не являлась религией. Зато звукоинженеры, люди, работающие на сведениях записей, осветители и организаторы турне – со всеми ними я работаю на протяжении многих лет и, общаясь, играю разные роли. Иногда я чувствую себя как ребенок, в другой раз, наоборот, осознаю, что на мне лежит огромная ответственность.

ДК: Такая позиция помогает в воспитании ребенка?

Б: Думаю, да, потому что он родился довольно рано. Мой ребенок для меня прежде всего – лучший друг.

ДК: Сколько вам тогда было лет?

Б: Двадцать.

Пусть я во многих вещах наивна и кажусь где-то грубой и простоватой, но при всем при этом на протяжении двадцати лет я работала в различных коллективах, и в 99% случаев все было прекрасно. Все, кто со мной работал, говорят, что...

ДК: ...у них только приятные впечатления.

Б: Да, но во время съемок «Танцующей» проблемы были. До этого мне приходилось работать со многими людьми, и все шло как по маслу, поэтому я стала слишком самоуверенной.

ДК: Трудно играть слепую?

Б: Ну, поскольку я очень музыкальный человек, для меня это не представляло особой трудности.

ДК: Что чувствуешь, умирая ради любви?

Б: Во мне есть элемент самопожертвования. Если бы было нужно пожертвовать собой ради любви, я бы с готовностью это сделала. Когда едешь в турне, играешь концерты, то все, кого я люблю, находится в зале. Для тех, кто там, я готова на все. Некоторые мои знакомые, побывав на концерте, потом говорят: «Ну что ты так надрываешься? Что для тебя дороже: концерт или здоровье?» И я им отвечаю: «Конечно, концерт».

ДК: Когда я вижу вас на сцене, у меня возникает впечатление, что это не просто шоу, в нем есть скрытый смысл. И то же самое с альбомом *Vespertine* – он совершенно необычно воспринимается. Интересно, что вы в него закладывали и что хотели выразить?

Б: Этот альбом с легким налетом ностальгии, и в основном в нем рассказывается о людях, замкнутых в себе. Будто находишься в комнате и впадаешь в спячку. Я считаю его зимним альбомом. Местами от музыки даже веет холодом. Ну и еще альбом – своеобразная ода компьютеру. Мне хотелось написать что-то похожее на современную камерную музыку. Получилось, что я воспевала две вещи: дом и компьютер. Сотни лет назад идеальной средой для прослушивания музыки был дом: люди играли на арфах, что-то друг другу рас-

Некоторые мои знакомые, побывав на концерте, потом говорят: «Ну что ты так надрываешься? Что для тебя дороже: концерт или здоровье?» И я им отвечаю: «Конечно, концерт»

ру. Это люди вроде Талвина Сингха из Индии или Голди, в жилах которого течет наполовину ямайская кровь. Британия тогда впервые принимала иммигрантов, которые по своему духу тоже были англичанами. Началось активное слияние различных культур – например, драм-н-бас и индийское техно в музыке.

ДК: На вашем новом альбоме *Vespertine* есть композиция «Cocoop», в которой говорится, что в момент написания песен вы «будто отшельник с длинной бородой и трубкой». Творческий процесс требует одновременно и участия в повседневной жизни и ухода от нее?

Б: Я думаю, так было всегда. Когда я слышу, что жизнь становится с каждым днем хуже и хуже или, наоборот, все только налаживается, я всегда занимаю противоположную позицию.

ДК: Правда где-то посередине?

Б: Именно.

ДК: Да... Ваш знак точно не Весы. (Бьорк смеется.) Кто вы по гороскопу?

Б: Скорпион. А какой знак у вас?

ДК: А я как раз Весы. И для меня либо то, либо другое, середины не существует. Я пытаюсь ее найти, но пока безуспешно.

ДК: Странно, вы не раз говорили, что готовы многое попробовать, а потом заявили, что никогда больше не сниметесь в кино.

Б: Здесь нет никакого противоречия. Одна из главных черт моего характера – верность, прежде всего музыкальному призванию. А играя в «Танцующей в темноте», я испытывала ощущение, будто разыгрываю какую-то интрижку, и мне было не по себе.

ДК: Как будто вы обманывали?

Б: Точно. Мне нужно было переодеваться в разные костюмы и каждый день общаться с сотней людей. Творческий процесс обычно протекает внутри, а тут перед тобой толпа людей, которые...

ДК: ...говорят, что и как делать.

Б: У меня довольно консервативные представления о сотрудничестве. Всякий раз, как я снимала новый клип, мне нравилось чувствовать себя главной, создавать рабочую атмосферу. И я рада – не могу тут не похвалиться, – что все, с кем я работала, отзывались об этом как о самой лучшей своей работе. Я была воспитана в семье хиппи, мой отец был одним из лидеров профсоюза, поэтому неудивительно, что я слишком романтизировала работу в коллективе. Не могу об этом говорить, комок подступает к горлу. (Смеется.)

сказывали. А в середине нашего века стало очевидно, что лучшее место – это что-то вроде Вудстока, где сотни, тысячи людей слушают какую-то песню на одном поле. Все они сливаются в общем экстазе, а с точки зрения звукового оформления главная цель таких мероприятий – колонки, мощность которых будет слышна в Китае. Мне кажется, сейчас круг замкнулся и снова наиболее оптимальное место для музыки – это дом, где мы можем слушать музыку на DVD или скачивать ее с сайтов вроде Napster.

ДК: Что ж, последний вопрос: когда люди слышат ваше имя, у них тут же возникает ассоциация с лебедем, так как все помнят это ваше платье на вручении «Оскара»...

Б: Даже не знаю, что заставляет меня так их любить. Но как я уже говорила, новый альбом вроде как зимний; а лебедь – птица белая и, как мне кажется, тоже зимняя. Птицы очень романтичные, ведь они моногамны. Даже не знаю, как это описать. Сейчас мне кажется, что лебеди могут послужить символом для многих вещей. Когда я вижу изображение лебедя, у меня аж дыхание перехватывает. (Изображает удивление.) А каких-то года два назад я была к ним совершенно равнодушна. ■